

**БОЯРЕ, ЧЕРНЫЕ ЛЮДИ И СМЕРДЫ ПСКОВА
В СОБЫТИЯХ 1483—1486 гг.**

Последняя четверть XV в. была отмечена в истории Русского государства событиями, которые имели ключевое значение для его дальнейшего развития. На фоне освобождения Руси от ордынского ига, присоединения к Москве Новгорода и Твери, перипетий феодальной войны между Иваном III и Борисом Волоцким не менее ярко выглядит политическая борьба во Пскове в 1483—1486 гг. Основанием для такой оценки являются те важные изменения, которые произошли во внутренней жизни Псковской земли в ходе известной «брани о смердах». Неслучайно поэтому, что исследователи на протяжении уже более чем столетия уделяли и продолжают уделять внимание псковским событиям 80-х гг. XV в.

В дореволюционной историографии их серьезный анализ был начат с выходом монографии И. Д. Беляева, поскольку его предшественники — С. М. Соловьев, Н. И. Костомаров — ограничились (за исключением некоторых частных замечаний) лишь пересказом содержания летописных известий.¹ И. Д. Беляев видел в «брани о смердах» конфликт между Псковом и великим князем из-за вмешательства последнего в политические порядки вечевой республики.² Как наступление Москвы на независимость веча во Пскове рассматривал события 80-х гг. XV в. и А. И. Никитский.³ В. И. Сергеевич также рассуждал о столкновении Ивана Васильевича с псковичами, хотя при этом обнаруживал и «след целой аграрной революции, происшедшей во Пскове в конце XV века».⁴ Аналогичным образом М. Н. Покровский, разбирая летописный рассказ, отметил изменение как в политической, так и в экономической сфере, но все же главный акцент им был сделан на вмешательстве Московского княжества во внутренние порядки вечового Пскова.⁵

Если исследователи последней трети XIX—начала XX в., как видно, центр тяжести проблемы переносили в политическую плоскость, то для ученых советской школы на первом плане оказались вопросы социально-экономической истории Пскова последней четверти XV в. С. В. Юшков принял тезис В. И. Сергеевича о «псковской аграрной революции», но развил его уже на основе марксистского понимания общественного развития и увидел в «брани о смердах», во-первых, про-

¹ См.: Соловьев С. М. Соч.: В 18-ти кн. М., 1989. Кн. 3. С. 39—40; Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. СПб., 1886. Т. VII. С. 293—296.

² См.: Беляев И. Д. Рассказы из русской истории. Кн. 3: История города Пскова и Псковской земли. М., 1867. С. 345—346.

³ См.: Никитский А. И. Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1873. С. 285—287.

⁴ Сергеевич В. И. Русские юридические древности. СПб., 1890. Т. I. С. 167—169.

⁵ См.: Покровский М. Н. Избр. произведения: В 4-х кн. М., 1966. Кн. 1. С. 234—235.

явление классовой борьбы, а во-вторых, аграрную революцию, проведенную в Псковской земле по инициативе и под давлением великокняжеской власти.⁶ В дальнейшем псковские события 80-х гг. XV в. уже рассматривались только как процессы, характерные для феодального строя, в основном — с позиций классовых противоречий. С. Н. Чернов отметил широкое движение черных людей против псковских бояр-землевладельцев.⁷ Б. Д. Греков рассматривал знаменитую «брань» как выступление смердов против попытки усиления феодальной эксплуатации.⁸ По мнению В. И. Герасимовой, всплеск классовой борьбы во Пскове затронул все слои населения, причем эти события были использованы Иваном III для нейтрализации могущества псковского боярства.⁹ Наоборот, Н. Н. Масленникова посчитала, что великий князь в условиях восстания встал на сторону правящей феодальной верхушки и помог «держателю в узле эксплуатируемое большинство».¹⁰ И. Д. Мартысевич, во многом повторив выводы С. В. Юшкова, писал о борьбе псковского зависимого крестьянства против феодального гнета.¹¹ Л. В. Черепнин определил противоречивый характер событий во Пскове в 80-е гг. XV в. и увидел в них, с одной стороны, антифеодальное движение низов, с другой, — отсутствие единства между городским и сельским населением, а также как стремление Москвы усилить свою власть над Псковом, так и уступки Ивана Васильевича псковскому боярству, пытавшемуся войти в соглашение с великокняжеской властью.¹² Выступая против тезиса о преимущественно аграрном характере псковского восстания, Б. Б. Кафенгауз определил его как движение городских черных людей за сохранение привилегий, при этом горожане оказались не только лицом к лицу с правящим классом, поддержанным великокняжеским наместником, но и изолированными от крестьянских масс.¹³ Согласно точке зрения Ю. Г. Алексева, суть конфликта заключалась в борьбе между городской общиной и эксплуатируемым ею сельским зависимым населением, что оказалось на руку великокняжеской власти, последовательно поддерживавшей смердов; итогом конфликта стало «усиление зависимости Господина Пскова от Русского централи-

⁶ См.: Юшков С. В. Псковская «аграрная» революция в конце XV века // Записки научного общества марксистов. М.; Л., 1928. № 3 (11). С. 38—42.

⁷ См.: Чернов С. Н. Заметки о псковских смердах и волнениях 80-х годов XV века // Труды Горьковского гос. пед. ин-та им. М. Горького. Горький, 1939 г. Т. III. (Ист. сб.). С. 17—20.

⁸ См.: Греков Б. Д. Движение псковских смердов 1483—1486 гг. и «смердь грамоты» // ИЗ. 1946. Т. 20. С. 13—15.

⁹ См.: Герасимова В. И. Присоединение Пскова к Московскому централизованному государству // Учен. зап. Ленингр. гос. Пед. ин-та им. А. И. Герцена. Л., 1948. Т. 78. С. 122—123.

¹⁰ Масленникова Н. Н. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955. С. 76.

¹¹ См.: Мартысевич И. Д. 1) Псковская Судная грамота. Историко-юридическое исследование. М., 1951. С. 45, 47; 2) Общественно-политический строй и право Псковской феодальной республики XIV—XV вв. Автореф. дис. ... д-ра юр. наук. М., 1965. С. 2.

¹² См.: Черепнин Л. В. Социально-политическая борьба в Псковской феодальной республике в конце 70—начале 80-х годов XV в. (из истории образования Русского централизованного государства) // История СССР. 1958. № 3. С. 158—171.

¹³ См.: Кафенгауз Б. Б. Древний Псков. Очерки по истории феодальной республики. М., 1969. С. 83.

зованного государства и ослабление внутренней структуры дряхлеющей феодальной республики».¹⁴

Советская историография, безусловно, значительно продвинула вперед изучение «брани о смердах» 80-х гг. XV в. В то же время, в сочетании с выводами дореволюционных авторов достижения ученых 20—80-х гг. XX в. вскрывают весь круг проблем, связанных с псковским восстанием, и демонстрируют, что многие вопросы далеки от окончательного разрешения. Различия в понимании причин, сущности, содержания и результатов социально-экономических и социально-политических процессов, традиционно называемых «бранью о смердах», во многом обусловлены тем, что их описание в псковских летописях дано хоть и достаточно подробно, но выборочно, иногда — непоследовательно и, кроме того, сохранилось в двух летописных вариантах, причем в Псковской I летописи опущен конец рассказа, а в Псковской II отсутствует его начало.

В научной литературе начало «брани о смердах» принято относить к маю 1483 г.,¹⁵ когда «въ 6 день посекоша псковичи дворы оу посадников: оу Якова, оу Стефана Максимовича, и оу Зиновья посадника, и оу Миките посадника, и у Ивана посадника, и оу Кюра посадника, и оу иныша много дворов посекоша».¹⁶ Также традиционно считается, что «брань» продолжилась на следующий год. Тогда, по сообщению летописца, «смердов посадиша на крепость в погребѣ. А посадников из заповеди закликаша, что грамоту новую списали и в ларь вложили на сѣнях, со князем Ярославомъ, а Псковъ того не ведаеть. Того же лета посадника оубиша Гаврила, месяца июня въ 13; а оубиша его всем Псковом на вече».¹⁷ Сравнительно недавно Ю. Г. Алексеев высказал сомнения по поводу непосредственной связи событий 1483 г. и 1484 г. Во-первых, исследователь отметил, что из тех посадников, которые пострадали в 1483 г., четверо (Яков, Зиновий, Микита и Иван) оставались во Пскове и в последующие годы, участвуя в посольствах от имени псковичей к великому князю. Во-вторых, посадник Степан Максимович после того, как его двор был «посечен», находился во Пскове вплоть до лета 1484 г. и лишь тогда бежал в Москву. В-третьих, бежавшие с ним Леонтий Тимофеевич и Василий Коростовой, а также убитый на вече Гавриил, не были в числе пострадавших весной 1483 г. Наконец, Ю. Г. Алексеев поддержал точку зрения Л. В. Черепнина и С. Н. Чернова, указавших на известие Псковской II летописи, согласно которой «брань о смердах», закончившаяся в ноябре 1485 г., продолжалась «по два года»,¹⁸ следовательно, она началась значительно позже весны 1483 г.¹⁹ Изложенные факты со всей очевидностью свидетельствуют о том, что события 1483 г. не были связаны с «бранью о смердах». К сказанному следует добавить, что о подмене смердъей грамоты стало

¹⁴ Алексеев Ю. Г. Псковская Судная грамота и ее время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV—XV вв. Л., 1980. С. 222—223.

¹⁵ См., например: Беляев И. Д. Рассказы из русской истории. Кн. 3. С. 345; Чернов С. Н. Заметки о псковских смердах... С. 16, 21; Черепнин Л. В. Социально-политическая борьба... С. 158—159.

¹⁶ ПЛ. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 79.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. М., 1955. Вып. 2. С. 68.

¹⁹ Алексеев Ю. Г. Псковская Судная грамота... С. 213—214.

известно лишь в 1484 г., а значит конфликт 1483 г. нельзя объяснить возникновением вопроса о смердах.

Возможно, дополнительные сведения о майских событиях 1483 г. содержит Псковская II летопись. Под 6994 (1485/1486) г. в ней сообщается, что «преже» (конкретно не указывается, когда) во Пскове в должности ларника был некий Есип, «и в тои власти много зла народу оучини, и смяте всемь Псковом, и оу посадников и оу ябедников и оу правых людеи того ради Есипа ларника много посекоша дворов, а самого много казнивше выведоша на посечение; он же оубежа и пострижеса».²⁰ Не считаем возможным соотносить данное известие с рассказом Псковской I летописи под 1484 г.,²¹ так как в процитированном отрывке никоим образом не упомянуто ни о проблеме смердией грамоты, ни о казни Гавриила, ни о бегстве других посадников. Более того, сообщается о «посечении» дворов у посадников, ябедников и правых людей, что явно перекликается с записью 1483 г. в Псковской I летописи. Если наше предположение соответствует действительности, то следует считать, что конфликт весны 1483 г. был вызван недовольством псковичей действиями ларника Есипа, которое оказалось направленным на всю городскую верхушку, в первую очередь, на посадников. Иначе говоря, можно еще раз не согласиться с теми исследователями, которые связывали начало «брани о смердах» с событиями 1483 г. Смердий вопрос встал годом позже.

Социальная принадлежность псковских смердов, их место в общественной структуре Псковского государства, экономическое содержание смердых повинностей — все эти проблемы, с учетом роли смердов, которую им отводили в событиях 80-х гг. XV в. во Пскове советские исследователи, занимают, можно сказать, центральное место. И, как многие другие, вопрос о смердах получил в историографии Псковского восстания неоднозначные оценки. Основные подходы к определению социально-экономического содержания категории смердов были выработаны еще в дореволюционной науке. Н. И. Костомаров полагал, что смерды несли повинности в пользу города-государства.²² И. Д. Беляев считал смердов разрядом сельского населения, зависимым только от частных землевладельцев.²³ Для А. И. Никитского смерды являлись свободными земледельцами, которые населяли государственные земли Пскова, платя оброки и дани в пользу князя и веча.²⁴ О том, что смерды были обязаны работать на князя и городскую общину, писал В. И. Сергеевич.²⁵ В советской историографии данные точки зрения, за исключением мнения И. Д. Беляева, получили дальнейшее развитие, хотя характер зависимости смердов был наполнен феодальным содержанием. О смердах как о государственных крестьянах писали М. Н. Покровский, Л. В. Черепнин, Л. М. Марасинова, Б. Б. Кафен-

²⁰ ПЛ. Вып. 2. С. 68.

²¹ Ср.: Алексеев Ю. Г. Господин Псков и великокняжеская власть в 80-х годах XV в. // Славяно-русские древности. Вып. 3. Проблемы истории Северо-Запада Руси. СПб., 1995. С. 146.

²² См.: Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. СПб., 1868. Т. VIII. С. 31.

²³ См.: Беляев И. Д. Рассказы из русской истории. Кн. 3. С. 56—60.

²⁴ См.: Никитский А. И. Очерк внутренней истории Пскова. С. 278—282.

²⁵ См.: Сергеевич В. И. Русские юридические древности. Т. I. С. 168—169.

гауз, Ю. Г. Алексеев.²⁶ К повинностям в пользу Господина Пскова С. Н. Чернов добавил работы на князя.²⁷ Точка зрения, согласно которой среди смердов были как частновладельческие, так и государственные крестьяне, была поддержана С. В. Юшковым, Б. Д. Грековым, В. И. Герасимовой, И. Д. Мартысевичем, Н. Н. Масленниковой.²⁸ Различные взгляды ученых на социальную природу смердов обусловили разнообразие оценки и псковских событий 80-х гг. XV в. в целом.

Помимо летописных известий о псковских смердах, содержащихся в Псковских I и II летописях, в распоряжении исследователей имеются еще два источника — грамота Александра Невского и посадника Твердилы рожитцким смердам Ивану и Лочку,²⁹ а также купчая Григория и Федора на землю у лисьевских смердов Якова, Ермола и Родиона, относящаяся к середине XV в.³⁰ На основании этой крайне ограниченной источниковой базы постараемся обрисовать социальный облик псковских смердов, но все предположения отчасти будут иметь гипотетический характер.

В первую очередь, имеющиеся материалы никоим образом не позволяют видеть в смердах частновладельческих феодально-зависимых крестьян. Акты середины XIII в. и середины XV в. со всей очевидностью показывают, что смерды — собственники земли; они распоряжаются ею полностью по своему усмотрению. При этом земельные права смердов, как это явствует из грамоты Александра Ярославича и Твердилы, охраняются князем от притязаний со стороны других землевладельцев. Если и можно говорить о какой-то поземельной зависимости смердов, то, судя по купчей Григория и Федора, она только-только начинает появляться в середине XV в. В целом смердья община пока еще продолжает оставаться самостоятельной.

Что касается зависимости псковских смердов от государства — Господина Пскова, — выразившейся в обязанности нести определенные повинности в пользу города, то здесь все более или менее ясно. В обнаруженной у норовских смердов грамоте, как сообщает Псковская II летопись, указывалось: «како смердам из вековъ вечных князю дань даяти и Пскову и всякии работы оурочнии по той грамоте имъ знати».³¹ Очевидно, что смерды платили дань и исполняли какие-то урочные работы в пользу всего Пскова. Иначе говоря, под смердами следует понимать особый разряд сельского населения, зависящего от государства.

Обращает на себя указание Псковской II летописи на обязанность смердов платить дань не только Пскову, но и князю. Данное свидетельство можно было бы толковать в том ключе, что смердья общины рас-

²⁶ См.: *Покровский М. Н.* Избр. произведения. Кн. 1. С. 234; *Черепнин Л. В.* Социально-политическая борьба... С. 160; *Марасинова Л. М.* Новые псковские грамоты XIV—XV веков. М., 1966. С. 132; *Кафенгауз Б. Б.* Древний Псков. С. 74; *Алексеев Ю. Г.* Псковская Судная грамота... С. 120—121, 206—207.

²⁷ См.: *Чернов С. Н.* Заметки о псковских смердах... С. 45.

²⁸ См.: *Юшков С. В.* Псковская «аграрная» революция... С. 34—39; *Греков Б. Д.* Движение псковских смердов... С. 4, 6; *Герасимова В. И.* Присоединение Пскова к Московскому централизованному государству. С. 120; *Мартысевич И. Д.* 1) Псковская Судная грамота. С. 45; 2) Общественно-политический строй... С. 12; *Масленникова Н. Н.* Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. С. 73.

²⁹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 348. С. 337—338.

³⁰ См.: *Марасинова Л. М.* Новые псковские грамоты... № 19. С. 59—60.

³¹ Псковские летописи. Вып. 2. С. 68.

полагались на княжеских (великокняжеских) землях. Примером здесь могут служить волости Смерда, Пирос и Ляховичи в Новгородской области, которые, по словам В. Л. Янина, «обладают признаками их древней принадлежности к княжескому домену».³² Однако интересно, что эти волости в конце XV в. являют признаки «их полного отпадения от доменных земель, выплачивающих черную куну».³³ Зависимость же норовских смердов, как это видно из содержания грамоты, переданной в Псковской II летописи, была определена очень давно, «из веков вечных». Не случайно псковский летописец отметил, что «псковичам не сведущем... како от начала бысть».³⁴ Древность смердьей грамоты свидетельствует о том, что она была составлена еще в те времена, когда Псков не был включен в орбиту влияния московских великих князей. Следовательно, князь в грамоте норовских смердов — это не великий князь и не московский князь-наместник, а князь самостоятельной Псковской республики, который призывался псковским вечем и кормился от всего Пскова. Отсюда ясно, что дань князю — это не непосредственная плата в княжескую казну, а поборы со стороны Пскова, которые затем шли на княжеское кормление. Дань, посредством которой обеспечивалась княжеская власть, все равно остается государственной повинностью.

В псковских смердах, скорее всего, следует видеть не частновладельческих крестьян и не крестьян, работающих в княжеском домене, а разряд населения, обязанный определенными повинностями в пользу вечавого города.

Последнее обстоятельство подтверждается и тем, что конфликт, вызванный отказом смердов, которые «не потягнуша на своя работы», произошел не между смердами и боярами-вотчинниками и не между смердами и князем, а между смердами и псковским вечем, в значительной своей массе состоявшим из простых общинников. Данный факт позволяет внести некоторые коррективы в построения Л. В. Черепнина, Л. М. Марасиновой, Б. Б. Кафенгауза, Ю. Г. Алексеева, которые причисляли псковских смердов к черным крестьянам, черному люду Псковской земли. Псковские «молодшие», «черные», «простые» люди — полностью свободны, а смерды находятся в даннической зависимости. О неполноценном статусе смердов, в отличие от черных людей, свидетельствует и отсутствие у них права голоса на вече. В противном случае следовало бы говорить о причастности смердов к составлению «обидных грамот» на самих же себя, так как Псковская II летопись, повествуя об этом эпизоде, последовавшем за инцидентом с норовскими смердами, всем содержанием рассказа подчеркивает единодушие собравшихся на вече людей.³⁵ Наконец, крайне трудно допустить столь значительное изменение социального статуса смердов (если признать их для XV в. свободным черным крестьянством), за убийство которых во времена Правды Русской предусматривалась 5-гривенная вира.³⁶ По всей види-

³² Янин В. Л. Новгород и Литва: Пограничные ситуации XIII—XV веков. М., 1998. С. 20.

³³ Там же.

³⁴ ПЛ. Вып. 2. С. 68—69.

³⁵ Там же. С. 69.

³⁶ Правда Русская. М.; Л., 1940. Т. I. С. 72, 399.

мости, псковские смерды периода бурных событий 80-х гг. XV в. — это потомки смердов-данников XI—XIII вв. Возможно, как раз с этим связано компактное проживание смердов на псковском пограничье: Норова, Рожитцкий погост, Лисья — порубежные псковские территории.

С учетом определяемой социальной природы псковских смердов как зависимого сельского населения, обязанного даяниями и повинностями в пользу города и отличного от свободных общинников и частновладельческих крестьян, следует отказаться от взгляда на «брань о смердах» как на смердые восстание против псковских бояр-феодалов.

Вообще, можно полагать, что смердий вопрос в эти годы был далеко не главным. Свидетельство Псковской II летописи о том, что «о той грамоте смерды всеи земли смятенье бысть»,³⁷ и летописное наименование социальных волнений — «брань о смердах» — говорят в пользу того, что «брань» лишь началась из-за действий смердов, утаивших грамоту, и что в ходе самого конфликта активными его участниками были уже не они, а в первую очередь простые псковичи. Судя по летописным источникам, за соответствующие годы никаких смердых выступлений на Псковщине не наблюдалось. Даже посаженные в «поруб» Сырень, Стехно и Лежень, скорее всего, были взяты под стражу, так сказать, «под горячую руку», как оказавшиеся во Пскове на момент, когда стало известно о подмене грамоты.

Обращаясь к псковским событиям 80-х гг. XV в., необходимо четко представлять социальный состав псковичей, принимавших в них участие. Летописи за соответствующий период называют посадников (в основном бояр), житых людей, ябедников, противопоставляя им черных («молодших») людей. Наиболее отчетливо это противопоставление проглядывает в известиях Псковской II летописи. К первой группе, очевидно, следует относить феодалов разного ранга (как крупных, так и мелких), которые играли важную роль в управлении Псковом и могли занимать руководящие административные должности. В отношении посадников стоит согласиться с Б. Б. Кафенгаузом, который пришел к выводу, что «посадниками становились представители немногих знатных семейств; эта должность в известной мере была наследственной».³⁸ Что касается черных людей, то под ними, вероятно, нужно понимать широкие демократические массы горожан — ремесленников, горожан-вотчинников (владельцев небольших участков в сельской местности), мелких торговцев. В любом случае сведения Псковской II летописи позволяют со всем основанием говорить о том, что волнения 1480-х годов затронули как городскую верхушку, так и низы вечевого Пскова.

Представляется, что ход событий и степень накала борьбы, в первую очередь, зависели от позиции черного люда. При этом недовольство простых псковичей было направлено в большей мере не против смердов, а против верхушки Пскова и московского наместника князя Ярослава. Сначала пострадали посадники, потом «молодые» люди отправляют боярское посольство в Москву,³⁹ затем послам «веры не

³⁷ ПЛ. Вып. 2. С. 68.

³⁸ Кафенгауз Б. Б. Древний Псков. С. 62.

³⁹ Станным в данном случае выглядит мнение Б. Д. Грекова, который полагал, будто бы первые посольства в Москву были отправлены «под большим давлением» боярского совета, которому в большинстве случаев подчинялось вече (Греков Б. Д.

яша».⁴⁰ Псковская II летопись свидетельствует о том, что «начат быги брань и мятеж велик» с того момента, когда черные люди обвинили вернувшихся от Ивана III бояр в сговоре с беглыми посадниками. Летописец прямо указывает, что главными противоборствующими силами во Пскове в середине 80-х гг. XV в. были, с одной стороны, широкие круги плебса, с другой — боярско-посадничья верхушка. Наряду с последней пользовался недоверием у простых псковичей великокняжеский наместник Ярослав Оболенский. Ему они отказывались «чолом бити», на его сподручников были составлены «обидные» грамоты, наконец, «много обидных людий биша чолом на самого князя Ярослава» перед Иваном III.⁴¹ Интересно, что еще до событий, инициированных смердьим вопросом, в 1476 г. произошел конфликт между псковичами и князем Ярославом, закончившийся отзывом последнего в Москву.⁴² Псковская III летопись, отразившая настроения местной общины, отмечает, что во время своего наместничества Ярослав «начача... соуд держати не по псковской старине...».⁴³ Естественно, что в 80-е гг. отношение псковичей к Ярославу было уже враждебным.

Поскольку вопрос о смердьей грамоте послужил неким катализатором разгоревшейся социальной борьбы, а смерды не являлись активной действующей силой в соответствующих событиях, то возникают справедливые основания для того, чтобы усомниться в правильности характеристики «брани о смердах» как волнений, вызванных экономическими противоречиями между различными социальными группами населения Псковской земли. Господствующее в историографии представление о том, что причиной волнений во Пскове стал конфликт, связанный с изменениями в поземельных отношениях в Псковской республике, кажется несколько односторонним. Противостояние «вятиших» и «молодших» в событиях 80-х гг. XV в. носило скорее социально-политический характер.

Неизвестно, что стало причиной разграбления посадничьих дворов в 1483 г., но годом позже, как явствует из текста Псковской II летописи, гнев псковичей обрушился на посадников (а косвенно — и на князя Ярослава) потому, что те «грамотоу новую списали и в ларь вложили на сених, со князем Ярославомъ, а Псков того не ведаеть». Думается, что последнее обстоятельство раскрывает истинную суть конфликта: псковичи (то есть городское вече) были возмущены тем, что посадники и князь-наместник действовали без их (то есть веча) согласия и фактически втайне от них. Если верно предположение о том, что рассказ Псковской II летописи о ларнике Есипе относится к событиям 1483 г., то становится очевидно, что еще до начала «брани о смердах» боярско-посадничья верхушка «много зла народу оучини». Имея в виду, что Есип был ларником, то есть заведовал государственным архивом Пскова, можно предполагать, что и в 1483 г., за год до того, как обнаружился

Движение псковских смердов... С. 11). Этому противоречат как весь ход событий, так и прямые указания летописей на то, что посольства направляются не боярами, а псковичами, то есть широкими массами горожан, и к тому же — «силою» (Пл. Вып. 1. С. 79—80).

⁴⁰ Пл. Вып. 2. С. 65.

⁴¹ Там же. С. 66, 69.

⁴² Там же. С. 56, 204.

⁴³ Там же. С. 199.

факт подмены грамоты о смердах, наблюдались какие-то нарушения, вызванные манипуляциями с важнейшими документами Псковской республики. Считаем, что причина социального конфликта 80-х гг. XV в. крылась в борьбе городских верхов и низов вокруг властных прерогатив псковского веча. Попытка посадничьей администрации при попустительстве великокняжеского наместника пренебречь мнением веча фактически означала грубое попрание веками существовавшего права верховной государственной власти во Пскове.

На фоне столь серьезного политического конфликта собственно смердий вопрос отошел на второй план. Казалось бы, этому противоречат сведения псковских летописей, согласно которым в переговорах псковичей с Иваном III проблема смердов занимает важное место.⁴⁴ Однако данные факты можно трактовать с несколько иных позиций. Очевидно, что инициатива обращения к великому князю принадлежала черным людям Пскова, которые настойчиво добивались восстановления прежних порядков. Псковская I летопись сообщает, что «псковичи силою послаше» посольство, состоявшее из бояр и посадников, чтобы «князь великий держал въ старине» Псковскую землю.⁴⁵ Апелляция к великокняжеской власти для демократических масс псковичей имела целью объявить незаконными действия посадников, «списавших» новую грамоту. Иными словами, вече требовало признания своей правоты со стороны Ивана III. Примечательно, что даже в 1486 г., когда социальные волнения вновь были вызваны смердьей грамотой, «обиднии люди» составили челобитные с жалобой не на смердов, укрывших грамоту, а «на наместников князя Ярослава... на самого князя Ярослава».⁴⁶ Не потому ли, что Ярослав был связан с теми посадниками, которые нарушили вечевые порядки в 1484 г., из-за чего «всеи земли смятенье бысть» (то есть опять же не из-за самих смердов, а «о той грамоте» или, скорее, из-за известных манипуляций с ней)?

Мысль о политической сущности псковских событий 80-х гг. XV в. не является абсолютно новой. Еще Л. В. Черепнин усматривал в действиях великокняжеского наместника, посадников и бояр «ущерб правам веча и выборных органов власти».⁴⁷ Соответственно, движение городских низов ученый определял в том плане, что простым псковичам «рисовалась картина демократических вечевых порядков, при которых вечевой орган будет регулировать повинности податного населения, сосредоточит в своих руках полноту судебной власти, станет осуществлять подлинный контроль за действиями всех псковских властей».⁴⁸ Данные предположения известного историка кажутся полностью справедливыми. В то же время, следует отметить, что остальные построения Л. В. Черепнина остались им недоказанными. В частности, гипотеза о том, что князь Ярослав и посадники будто бы изменили текст Псковской Судной грамоты, вызвала обоснованную критику со стороны Ю. Г. Алексеева. Исследователь сумел показать, что «новая грамота...

⁴⁴ Там же. Вып. 1. С. 79—80; вып. 2. С. 65—66.

⁴⁵ Там же. Вып. 1. С. 80.

⁴⁶ Там же. Вып. 2. С. 69.

⁴⁷ Черепнин Л. В. Социально-политическая борьба... С. 159.

⁴⁸ Там же. С. 163.

была связана прежде всего именно со смердами». ⁴⁹ Соглашаясь с Ю. Г. Алексеевым, следует все-таки подчеркнуть, что возмущение псковских черных людей было вызвано, в первую очередь, самим фактом замены грамоты, осуществленным без ведома веча. Что касается мысли Л. В. Черепнина о борьбе городских низов Пскова за вечевые порядки, то она нуждается в уточнении. Для простых псковичей вечевое устройство не являлось лишь идеальной политической системой, как полагал Л. В. Черепнин, оно было той реальностью, которая существовала во Пскове издревле и за сохранение которой боролись «молодые» люди, выступая против даже малейшего усиления власти посадничьей администрации в ущерб вечу всего Господина Пскова.

В целом, характеризуя суть социального противостояния во Пскове в 80-х гг. XV в., ее необходимо определить как борьбу между псковской боярско-посадничьей верхушкой, с одной стороны, и широкими демократическими кругами городского населения — с другой, вокруг формы государственного устройства Пскова. Посадники, бояре и житьи в 1484 г. фактически попытались совершить государственный переворот, проигнорировав вече и самовольно заменив смердью грамоту. Черные люди в этой ситуации встали на защиту вечевых порядков. В сущности, во Пскове в течение нескольких лет наблюдалась борьба олигархической и демократической тенденций. При этом ни «вятские», ни «молодые» не ставили под сомнение сам принцип суверенитета великокняжеской власти над Псковом, обращаясь к Ивану III как к судье высшей инстанции. В накаленной атмосфере политического противостояния во Пскове социально-экономические противоречия (в том числе собственно смердий вопрос, ставший поводом для «брани») были отодвинуты на второй план. Хотя необходимо заметить, что, меняя смердью грамоту, бояре преследовали наряду с политическими и экономические цели. Очевидно, что в новой грамоте повинности смердов были изменены и, видимо, не в сторону их увеличения. Учитывая, что «работами» смерды «тянули» на весь Господин Псков, становится ясно, что сокращение поступлений в городскую казну было невыгодно, в первую очередь, для масс простых горожан. Бояре и житьи, владевшие вотчинами, получали доходы от эксплуатации сельского зависимого населения, например, изорников. Уменьшение смердых повинностей не отражалось на материальном положении боярства. Факт замены грамоты без ведома веча демонстрирует стремление верхушки Пскова контролировать, пусть и отчасти, государственную казну, точнее, определенные каналы ее наполнения. Однако стоит еще раз подчеркнуть, что подобными экономическими методами боярско-посадничьи круги боролись за свои политические интересы. Проблема смердов оставалась важной лишь в процессе переговоров с великим князем, от решения которого зависело, будет ли признано покушение посадников и бояр на вечевые порядки незаконным или нет. В ходе борьбы обе стороны были готовы отстаивать свои позиции любыми средствами. Сначала был убит посадник Гавриил, приговорены к смерти другие посадники, разграблены их дворы и имущество; потом поплатились жизнью послы «молодых» — Перх и Лакомцев сын, убитые какими-то разбойниками в тверских

⁴⁹ Алексеев Ю. Г. Псковская Судная грамота... С. 211.

лесах,⁵⁰ в чем ряд исследователей справедливо усматривали политическую выгоду бояр.⁵¹ Уровень накала борьбы отчетливо демонстрирует, насколько серьезно столкнулись интересы городских верхов и низов. Подобные события становились закономерным итогом роста олигархических устремлений псковских бояр, основанных на их материальном превосходстве, что было обусловлено быстрым развитием феодальных отношений в Псковской земле в XIV—XV вв., складыванием боярского землевладения. Результатом псковских волнений 1480-х годов, порожденных социальным неравенством, расслоением и расколом местной общины, стало все более ощутимое вмешательство великокняжеской власти во внутренние дела Пскова. В итоге и вечевая республика, и олигархическое правление как альтернативные формы государственного устройства были обречены, поскольку скорого включения Псковского государства в состав Московского великого княжества избежать уже было невозможно. Политика централизации достигла на рубеже XV—XVI вв. значительных результатов.

⁵⁰ ПЛ. Вып. 2. С. 66.

⁵¹ См., например: *Чернов С. Н.* Заметки о псковских смердах... С. 34; *Греков Б. Д.* Движение псковских смердов... С. 11—12; *Черепнин Л. В.* Социально-политическая борьба... С. 165.